

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ как культурное пространство

Алла Андреева,
преподаватель словесности
московской школы
№ 353 им. А.С. Пушкина

Высокий культурный уровень — это то, что даёт возможность человеку осознать общность во времени и в пространстве: с людьми своего поколения, с ушедшими поколениями и с поколениями грядущими.

Присвоение нашей школе в 1937 году имени Александра Сергеевича Пушкина во многом предопределило особенности деятельности педагогического коллектива, его идейные установки. Лучезарная энергетика пушкинского творчества стала тем благодатным источником, из которого уже столько лет черпают силы наши учителя и ученики. Имя Пушкина и в ежедневной будничной жизни, и в праздники оказывается своеобразной точкой вхождения школы в пространство культуры, побуждает наш коллектив постоянно искать и творить.

Воспитание традицией в нашей школе — понятие многогранное. Это и сохранение того лучшего, разумного, вечного, что передала

нам культура Золотого века, с которой мы соприкасаемся постоянно, потому что жизнь школы идёт по пушкинскому календарю.

Это и соблюдение школьных традиций, которые сложились, которыми гордимся, которые формируют мысли и поступки воспитанников-«пушкинят», погружая их в мир пушкинских героев, давая им возможность сверять их думы и чувства с пушкинскими образцами, с пушкинскими мыслями и чувствами. И это правомерно, потому что, как точно выразился М. Гершензон, «в идеях Пушкин — наш ровесник, плоть от плоти современной культуры».

Урок литературы в Пушкинской школе, наверное, та первая площадка, с которой открывается дверь в храм мудрости поэта. Открытие его художественного мира; ощущение близости поднимаемых им проблем — всё это наступает у читателей в разное время, в непредсказуемых ситуациях.

Что поняла я, осмысливая цель педагогической деятельности словесника в школе имени великого поэта? Скажу образно: это указать тот пик, ту высочайшую планку в духовности и культуре, которую уже покорило человечество. Для нас, хранителей Пушкинского Слова, — это творения плеяды звёзд Золотого века, это

творения самого Пушкина, сам дух его творчества, который, как нам кажется, витает в стенах нашей школы. Только знание первично. Только оно «окрылит» человека, поможет ему расправить крылья, поможет сравнить творческое «пижонство» с настоящим творчеством. Я не только не уважаю, а, честно говоря, опасаясь полукультурных невежд. Наверное, поэтому разговор о Пушкине предваряю комментированным чтением эпизода «Прозрение» Рюхина» из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«Рюхин поднял голову и увидел, что они уже в Москве и, более того, что над Москвой рассвет, что облако подсвечено золотом, что грузовик его стоит, застрявши в колонне других машин у поворота на бульвар, и что близёхонько от него стоит на постаменте металлический человек, чуть наклонив голову, и безразлично смотрит на бульвар.

Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. «Вот пример настоящей удачливости... — тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чуждого человека, — какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло! — вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, — стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

На мой взгляд, урок литературы может состояться лишь тогда, когда на нём школьники сделают читательские открытия — порой маленькие, а порой такие, которые станут для них потрясением.

Литературная информация в силу своей специфики призвана дать пищу разуму, возжечь чувства — и преобразоваться в восприятие, созвучное авторскому замыслу.

Как этого добиться? Мне, преподавателю словесности, очень хочется, чтобы каждый наш ученик открыл для себя мир живого, а не елейного Пушкина. Чтобы удивился чуду.

Чтобы восхитился точности, «попробовал на язык» красоту Пушкинского Слова. Как-то, отмечая нашу кропотливую работу над словом, ученик 9-го класса Негара Владислав написал в своём небольшом стихотворении, что он,

**...как компьютер, «зависал»
Над каждой непонятной фразой.**

«Под микроскопом»

Так условно я называю приём, позволяющий поднять лексические, образные, идейные пласты текста. Как под микроскопом, внимательно разглядываем ключевое слово. Его «лабораторный анализ» позволяет прояснить нечто важное в авторской позиции. Идёт работа в 7-м классе над вступительной строфой поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». Уже прослушан отрывок из аудиокниги «А.С. Пушкин. Медный всадник... Читает Д. Журавлев». Ребята попробовали описать своими словами то, что они «увидели», какие зрительные образы запечатлелись в их памяти. После прослушивания устных миниатюр-зарисовок, предложенных учениками, обращаю их внимание на то, что объектом внимания классики всегда остаётся человек. И у Пушкина есть замечательный афоризм на этот счёт:

Вращается весь мир вокруг человека!

А теперь — загадка слова «ОН».

Вопрос:

— И так, «на берегу пустынных волн» стоит Человек. Кто он?

Без заминки звучащий ответ:

— Пётр I.

— А как вы узнали? Где впервые в тексте поэмы прозвучало это имя?

Перечитывая вступление к поэме «Медный всадник», отмечаем, что собственным именем своего героя в этом контексте Пушкин нигде не назвал. Везде — *он*.

Имя звучит только в приложении к городу — «Петра творенье», «град Петров»...

Оформляем в более чёткие рамки мысль (таящую глубокий воспитательный смысл!) о том, как это замечательно, когда человека сразу узнают по его делам, когда он прочно вошёл в память потомков.

Чтобы запомнилось лучше, побываем в творческой лаборатории поэта. Эта дополнительная информация к размышлению предлагается учителем: пушкинист С.М. Бонди, исследовавший черновой автограф поэта, пронаблюдал, как долго искал Пушкин слова и строки первой строфы «Медного всадника», прежде чем нашёл удовлетворившие его.

Стоял глубокой думы полн.

Зачёркивает.

Стоял, задумавшись глубоко.

Пушкин продолжает искать:

Великий муж...
Великий Пётр...
Великий царь...
Однажды царь...

Всё не то. Наконец!

Стоял ОН(!)

Слово найдено. Поэт предпочёл местоимение «он». Почему? Предоставим ученикам возможность высказать свои версии на этот счёт. Возможные версии:

— Пушкин хочет заинтересовать читателей, чтобы они продолжали чтение поэмы и сами нашли в ней ответ. (Такая версия может иметь право на существование.) Однако задумаемся: автор поэмы — известный поэт, к каждому слову которого внимательно прислушиваются и друзья, и враги. Так стоит ли ему интриговать читателей, чтобы привлечь внимание к своему творению?

— Поэт хотел подчеркнуть неординарность личности Петра I, показать, что он узнаваем сразу...

— Пушкин не хотел, чтобы это великое имя произносилось всеми, особенно недостойными людьми...

(Последняя версия интересна тем, что подводит нас к понятию о «табу»: о значимом и святом не должно поминать всуе, то есть зря, понапрасну.)

Коллективное обсуждение высказанных учениками предположений о том, почему Пушкин не называет имени героя во вступительной части своей поэмы и заменяет его местоимением «он», приводит нас к необходимости продолжить анализ текста, поискать в нём какие-то другие, тоже важные детали. В результате подобной кропотливой работы школьники смогут понять, что прочитанная нами часть поэмы — Пушкинский гимн человеку-подвижнику, патриоту, созидателю, думающему о благе Отечества.

Продолжаем разговор о семантической ёмкости пушкинского слова:

...И вдаль глядел...

Вопрос:

— В какую даль? Как в поэме очерчен круг видения государя — пространством или временем?

Выделенным словом намечается ход мыслей учеников:

— Он глядел в необъятную даль пустующего берега, свободного для дел пространства.

— Он глядел на сто лет вперёд, видел этот город, поднявшийся «из топи блат».

«Стоп-момент!»

Этим приёмом поможем ученикам на основе прицельно выбранной детали, реплики осознать значимую грань характера героя.

Урок в 9-м классе. Перечитываем «Евгения Онегина».

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.

Здесь остановим чтение. Задумаемся над последней строкой.

— Какой нравственный урок она содержит?

ПУШКИНСКИЙ УРОК

Резонные вопросы моих собеседников:

— Урок для кого? Для Онегина? Или для нас?

А потом раздумья детей над текстом о том, какой образец бессердечного отношения к человеку низшего положения дал Евгению его отец, между прочим — вроде бы «отличный, благородный» дворянин. Такое же эгоистичное отношение к окружающим будет являть в дальнейшем достойный сын своего отца. Вот оно — сословное понятие об отношении человека к человеку. «Monsieur l'Abbe, француз убогой», любил Евгения, заботился о нём. А факт его изгнания со двора, судя по тексту, не затронул чувства взрослеющего аристократа.

А урок для нас: нельзя быть безразличными и неблагодарными к тем, кто нас любит.

Обратив внимание школьников на своеобразие культурных норм дворянства начала XIX века, отметим, что здесь присутствует тот, кому ведомы высшие нравственные человеческие ценности, внесловные, вневременные. Кто он? Это автор, который эту деталь «приблизил» к нам, который изначально иронизировал над промотавшимся отцом Онегина, а затем стал ещё строже к нему. Я выбираю для подобной работы часть текста с повышенным этическим потенциалом. И ученики открывают для себя ненавязчивую дидактику художественного произведения.

Начиная от себя...

Ещё один вид деятельности учеников — восстановление «перепутанной логической цепочки». Это своего рода игровая разминка — первые шаги к искомой истине, иногда интуитивные, иногда ассоциативные. Приведу фрагмент урока в 9-м классе по теме «А был ли счастлив мой Евгений?».

На табличке, вывешенной на доске,— слова, записанные в произвольном порядке:

труд любовь Зевс
себялюбие покой
чтение наслаждение
свобода

Предлагаю пронумеровать эти слова по степени логической близости к «главному» слову сегодняшней темы — к *счастью*. И так — начинаем от себя. Ученикам надо бегло обосновать свои решения. Работают все. Одна ученица, Татьяна, у доски. Оживление, шутки, комментарии сразу создают атмосферу раскованного общения. Звучат реплики:

— А Татьяна у нас, оказывается, трудолюбик — труд у неё под номером один!

— А с Зевсом вообще неувязочка — не вмещается в цепочку...

— «Покой», может быть, продвинем вперёд?

— Любовь, любовь — вторым номером! — «Пора любви и страсти нежной...» (Так о ком же они задумались: о себе или об Онегине?)

— А себялюбие? Оставь его лучше в «золотой серединке».

— «Чтение»... Нельзя ли, Танюша, быть честнее?

А теперь попробуем «поиграть» с этими же словами, но применительно к системе ценностей Онегина. Порядок слов, естественно, меняется. Иные комментарии звучат по поводу толковых слов.

Необычный, «хитро» сформулированный вопрос

Такой вопрос побуждает учеников размышлять, вновь и вновь возвращаясь к «изгибам» прочитанного текста и к подтексту

произведения. Он помогает прокладывать новые русла — от художественного образа к жизни, к углублённой интерпретации проблемы, к ассоциативным, реальным и литературно-художественным связям. По моему мнению, каждый учитель, если взглянется в текст, может заранее сформулировать такой вопрос, логика ответа на который даст простор мыслительной и творческой деятельности ученика, поможет ему самому попытаться постигнуть тайну гармонии мысли и содержания.

Урок-зачёт в 9-м классе по лирике Пушкина. Ученик читает наизусть «Арион». После прочтения — вопрос:

— Почему пушкинский Арион одет в **ризу**?

— Риза, — рассуждают ученики, — верхнее облачение священника при богослужении. Одев своего героя в ризу, поэт говорит о том, что его гимны, его песни — богоугодное дело, священнодействие. Это одеяние наводит на такую мысль: Пушкин считает поэтов людьми избранными, наиболее близкими к Богу, пророками высших истин.

Обычно при этом разговоре вспоминают известные им строчки или названия других пушкинских стихов: «Поэт», «Пророк», «Поэт и толпа», «Андрей Шенье» и другие.

— А о чём эти песни, эти гимны, верность которым лирический герой провозглашает?

— Это гимны свободе, вольности России.

Толчок размышлениям дан, а потом мы поговорим и о скале, и о том, что она символизирует, и о том, как часто видим мы в мире пушкинской лирики солнце. Оно всё равно появляется: и после вихря, и над скалою, и... Это всё доскажут сами дети.

Через микрообразы – к характеристике

Изучение пушкинской «Песни о вещем Олеге» в 7-м классе. Ядро моей работы по этой теме — углубление в нравственную проблематику баллады. «Испытание верности» — так я сформулировала тему урока. Опишу ту небольшую часть урока, в которой прослеживается подход к осмыслению основной проблемы как бы «сбоку». Уже шёл разговор и о мудром старце-кудеснике, и о могучем князе Олеге, а теперь прошу своих учеников сделать наиболее важный шаг на пути осмысления проблемы: осознать, что третий и может быть **самый главный герой «Песни» — именно конь!** И подойти к характеристике этого героя путём наблюдения над «микрообразами» текста.

— Уже не раз на уроке прозвучала мысль о том, что судьба князя целиком зависела от решения одного вопроса — каким же был его конь? На вопрос *какой?* в языке отвечают прилагательные-определения, а в художественной литературе они становятся э п и т е т а м и. В «Песни о вещем Олеге» они играют исключительно важную роль. И чаще всего характеризуется эпитетами именно конь князя Олега! Найдём сначала те эпитеты, которые встречаются в стихотворении только по одному разу...

- Смирный...
- Ретивый...
- Бурный...
- Игривый...
- Одинокий...

— А теперь эпитет, характеризующий коня вещего Олега, повторяющийся несколько раз?

— *Верный!*

— Вспомним — где именно? И приведём строки с этим эпитетом.

— В самом начале баллады: «Князь по полю едет на *верном* коне».

— В момент прощания князя с конём: «И *верного* друга прощальной рукой/ И гладит, и треплет по шее крутой».

— В прощальной речи князя Олега, обращённой к коню: «Прощай, мой товарищ, мой *верный* слуга, / Расстаться настало нам время...».

— Да, это очень важный и очень точный эпитет. В русском фольклоре ведь у коня обычно был другой постоянный эпитет: *добрый* конь. И в балладе о князе Олеге *верный* не сразу появился. Сначала, в черновике у Пушкина было: «Он по полю едет на *смирном* коне». Но найденное потом слово *верный* стало сквозным мотивом всего стихотворения.

Дополняю ответы учеников кратким **историко-культурным комментарием**. Говорю о том, что Пушкин тонко и правдиво показал особую роль коня в жизни кочевого народа. Конь появляется в первых же строках поэтического рассказа. В речи князя, обращённой к волхву, конь выступает как высшая ценность, в сознании людей того времени, как мера высочайшей княжеской щедрости. А затем он вообще оказывается в самом центре сюжета: от него, от его качеств, от его судьбы, от отношения князя к своему «верному товарищу» зависит разрешение конфликта, жизнь или смерть самого князя.

Психологическое углубление анализа. Трудное – и роковое – решение...

Мне кажется очень важным не упрощать ситуацию, не примитизировать сложный образ пушкинского князя Олега.

Обращаю внимание ребят на психологическое состояние героя в момент принятия им рокового решения:

— Удовлетворён ли князь тем решением, которое, как ему кажется, он вынужден принять?

— Нет, не удовлетворён. Ему это сделать очень трудно. Он угрюм. Он говорит другу трогательные прощальные слова.

Почти всех учеников трогает то, что князь с грустью расставался с конём, искренне-сердечно прощался с другом.

Я поясню, что привязанность князя к коню действительно была свойственна пушкинскому Олегу. Поэт писал Александру Александровичу Бестужеву: «Тебе, кажется, Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушья...»

В.М. Васнецов. Илл. к «Песни о вещем Олеге». 1899

— Но давайте всё-таки подумаем: **насколько глубока привязанность князя к своему «верному товарищу»?** Нет ли уже в первой части намёка на то, что он внутренне готов расстаться со своим конем, если дело коснётся вопросов, жизненно важных для владыки? Обратите внимание на его обещание кудеснику...

— Да! «В награду *любого* возьмёшь ты коня». Наверное, в этот момент князь и не подумал о *своём* коне. Но «любой» — значит и этот тоже...

— А теперь вернёмся к вариантам возможной гибели от своего коня, которые, по вашему предположению, могли промелькнуть в сознании князя Олега, когда он услышал предсказание кудесника. (Они уже обсуждались в беседе до этого.)

— Нет, «верный товарищ» берёт своего князя и чутко улавливает его волю — поэтому не мог выбросить его из седла. Он никогда не бросил бы князя на поле битвы.

— И как вы думаете: отчего же умер конь князя Олега?

Этот вопрос ставит всё на свои места.

— Конь умер от бездействия, а главное — от тоски по хозяину, другу.

Здесь разных толкований не может быть. Пушкинская мысль прозрачна.

Дополняю: в черновике у Пушкина прямо сказано: «*Тоскуя* заснул непробудным он сном». В другом варианте: «*Тоскуя* почил непробудным он сном». Потом автор изменил строку: «*Давно уж почил...*». Видимо — в расчёте на то, что читатель задумается о судьбе «верного друга» князя и сам догадается о причинах смерти коня.

Так определяется и решение проблемы, также обсуждавшейся в начале урока в ученическом споре: *верить* — *не верить* предсказанию мудрого старца-кудесника?

Следует наводящий вопрос:

— Имел ли князь основания для того, чтобы усомниться в друге?

— Нет! Никогда. Сам князь называет его неоднократно верным другом: сначала — *товарищ*, а уж потом — «мой верный *слуга*». И вот, по первому навету...

Это раздумье — уже почти вывод...

Ученикам был предложен вопрос: почему поэт называет князя Олега *вещим*?

«Пушкинский герой — вещий, то есть мудрый, а ещё и многое предвидящий как завоеватель. Но в момент нравственного испытания князь усомнился в очевидной верности друга. С возрастом пришла житейская мудрость, а с ней — покаяние. Над останками коня князь Олег проносит «вещие» слова, но направленные не на предвиденье будущего, а на прозрение прошлого: «Мой конь и доньине носил бы меня...» Увы, прозрение запоздалое. За предательство дружбы князь наказан роковой смертью не в бою (как полагалось истинному воину тех времён), а бесславной — от укуса змеи... («Это выдержка из письменного ответа ученика.»)

Это нравственный урок седой истории, запечатленный навек древними летописями и поэтически преображённый вдохновением великого Пушкина. «Из глаз смотрит тяжёлая мудрость тысячелетий, словно он пережил все века и вынес из них уверенное знание о тайнах» (М. Гершензон. «Мудрость Пушкина»).

— Это урок для нас, — дополняют ученики, — быть верными в дружбе: будь то дружба людей или дружба человека с четвероногим товарищем...

Расшифруем пушкинские образы-символы

Пушкин будет актуален всегда. Он, может быть, как никто другой, показал, что расовые, национальные и религиозные предрассудки формируются на низком уровне духовного сознания. И что они, эти предрассудки, вполне преодолимы, если человек в своём воспитании и образовании, в своём культурном развитии будет нацелен на единство разнообразия в самом главном: в поиске Бога, истины, справедливости, в устремлении к добру и красоте. Именно это пушкинское начало попыталась донести до участников III Международного форума пушкинских школ наша выпускница 2008 года Катя Кинякина. Ученица заговорила об этом в тот год, когда антироссийские настроения в Литве приняли агрессивный характер. Заговорила вслед за Пушкиным. Вместе с Пушкиным.

Она обратилась к стихотворению Пушкина — «Сто лет минуло, как тевтон...» (1828). Средневековые рыцари-тевтонцы

готовятся к нападению на Литву. Литовцы для немецких князей враги и по вере (они ещё не приняли христианство), «неверные». Поэтому тевтонцы жизни не щадят, лишь бы «племя чуждого закона к своей подошве привлечь». Столь же яростно сопротивление литовцев. «Вражда взаимная».

**И всяк переступивший воды
Лишён был жизни иль свободы.**

В тексте присутствует символ одной и другой веры. У «язычников»-литовцев:

...кругом
**Шумели рощи вековые
Духов пристанища святые.**

У христиан-немцев — крест:

**Символ германца на другом:
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи.**

Но вопреки человеческой непримиримости у Пушкина сама природа побеждает вражду государств и религий.

**Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.**

Понятна идея этого символического поэтического образа: любовь минует все преграды! Здесь хмель и тополь тянутся друг к другу через смертоносные воды Немана, превращённые воюющими людьми в опасную границу. Но природа являет иные образцы. **Литовский хмель и германская тополь** (у Пушкина *тополь* — слово женского рода) — **символы** народов, разделённых рекою

и различием религиозных традиций. Возможно ли взаимопонимание? Поэт уверен, что для любви нет ничего невозможного. Нежно и трогательно объятье литовского хмеля и германской тополи. Пушкин такой символ сопровождает эпитетом *дерзновенный*. Этот эпитет вбирает в себя авторское восхищение, любование поступком влюблённого.

В своей исследовательской работе, толчок, направление и материалы к которой дали исследование и мысли выдающегося кыргызстанского пушкиниста, академика Л.А. Шеймана, ученица Пушкинской школы Катя Кинякина замечает такие же «сближающие» образы-символы и в других произведениях Пушкина. Есть такой «символ дерзновенный» и в «Бахчисарайском фонтане». Это знак Гирея. Входит идея сближения символов разных вер в наше детское сознание со «Сказкой о царе Салтане». Там появляется христианский город с «маковками церквей и седых монастырей», подаренный князю Гвидону царевной Лебедью. А у царевны «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит», это явно мусульманская символика. Но они рядом. Они опять, как и в стихотворении «Сто лет минуло, как тевтон», мирно сосуществуют в любви.

Катя не ограничилась наблюдением только за пушкинской символикой, её интерес пошёл дальше — в историю «войны символов», о которой, конечно же, знал Пушкин. Ученица напоминает в своём докладе эти факты: 1453 год. Пала Византия. Турецкие войска, войдя в Константинополь (тогда — Царьград), переименовали его в Стамбул. Снова, как и в «Бахчисарайском фонтане», сделали храм святой Софии мечетью, а над его куполом вместо креста установили полумесяц. 1552 год. Ответный удар со стороны христиан. Войска Ивана Грозного взяли Казань, а над рядом православных храмов появился своего рода вызывающий символ — крест, попирающий полумесяц. В сознании многих это было и освобождение от многовекового ига, и «торжество» христианства над исламом. Такой историко-культурный экскурс убедил и нашу выступавшую воспитанницу,

и слушателей, что проблема очень серьёзна, трудноразрешима, накалена давним противоборством.

Ученица нашей многонациональной школы понимает и подчёркивает, что **национальный русский поэт умышленно сближает противоборствующие символы религий**. Заметно, что ей близка позиция поэта, ей хочется донести её значимость и актуальность до участников международного форума, где присутствовали представители разных конфессий.

Нарисуем «символ дерзновенный»

Художественные символы — момент интеграции, слияния литературного и художественного видения образа. С понятием «символ» дети знакомятся раньше. Они уже знают, что символ собирает в себе нечто большее, чем просто образ. Символ — многозначный образ, свёрнутая, сконцентрированная информация. Он рождает поток мыслей. Мыслей о чём-то существенном и важном не для одного героя или явления. Он обладает способностью возбуждать в сознании воспринимающего бесконечное множество ассоциаций.

Ю.М. Лотман утверждает, что даже «элементарные по своему выражению символы обладают большой культурно-смысловой ёмкостью», «именно простые символы образуют **символическое ядро культуры**».

Значит, изобразить символ — это не только подключить творческое воображение, а осознать, глубоко понять автора и сформировать своё отношение к его идее, к определённому культурному срезу.

Вернёмся к разговору о том, что Пушкин соединяет любовью людей различных культурно-религиозных традиций в «Бахчисарайском фонтане». Перечитываем в 10-м классе текст поэмы. Вспоминаем, что Крымский хан Гирей во время набега на Польшу захватил в плен польскую княжну Марию и неожиданно влюбился в неё страстно и благоговейно. К ней он относится не так,

как к другим жёнам в своём гареме. У неё своя «обитель», куда не входят ни евнух, ни сам хан. Ей позволено поклоняться своим богам:

**Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный.**

Пленница не ответила на трепетное обожание хана, а потом умерла (скорее всего, была убита ревнивой Заремой). В финале этой трагичной истории читаем удивительные строки:

**В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).**

Конечно, дерзко: сочетание в единое целое символов столь различных культур и религий! Крест — знак христианства, а луна в тексте уже названа — магометанская. «Незнанья жалкая вина»? Исключено! Хитрый ход поэта. Не мог истинный магометанин Гирей не знать таких элементарных для верующего человека вещей.

Как же могло бы выглядеть, по замыслу пушкинского хана Гирея, соединение креста и полумесяца над фонтаном, сооружённым в память о любимой женщине? Здесь открывается широкий простор для читательского воображения и размышления. Это предопределено самой природой символа как знака

особого типа, считал Л. А. Шейман, автор этой идеи, инициатор такого эксперимента, успевший при жизни проанализировать его результативность¹.

Задание десятиклассникам: с помощью рисунков — графических набросков предполагаемой эмблемы ответить на вопрос, как они представляют себе «символ дерзновенный». Нет предела сотворческим ассоциациям школьников. Восхищают частые личные «изокомментарии» особо увлечённых учеников, их стремление передать своё восприятие текста как песни торжествующей любви. Любопытны образные детали, дополнительно введённые школьниками. То это голубь с оливковой веточкой в клюве, символизирующий примирение противостоящих ранее друг другу символов. То это целая композиция, в верхней части которой крест и луна разведены в разные края листа: затем, в центре, они соединяются, вплотную соприкоснувшись друг с другом, обрамлённые лавровыми полукружьями; внизу, у подножья эмблемы, — лира, олицетворяющая пушкинское вдохновение, которое гармонически сочетало противоборствовавшие символы воедино. Есть и более сложная (и многозначительная) вариация подобного сюжета: молния разбивает цепи, которыми были ранее соединены (видимо, насильственно) те же символы, но они соединяются снова, освободившись от цепей, и их союз озаряют лучи солнца.

Результат такой работы убедительно демонстрирует, что пушкинский символ дерзновенный продолжает своё благотворное излучение в современных условиях.

Стоит отметить и то, что, как правило, в рисунках учеников прослеживается тенденция как можно более естественно, деликатно, гармонично сблизить оба компонента эмблемы. Тенденция, заложенная в глубинах структуры пушкинского поэтического текста.

¹ см.: Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток-Запад. Бишкек. 2000.

Уроки изящной словесности

Для многих учеников нашей Пушкинской школы характерно побуждение сказать о Пушкине в стихах. Чаще всего — очень несовершенных, но трогательных своей искренностью, личным душевным откликом на пушкинские стихи и прозу. Порой такие опыты принимают форму обращения к Пушкину, но чаще это отзвуки того диалога, который возникает в процессе сопереживающего и со-размышляющего чтения его произведений.

Начинается такая «переключка в веках» на специально запланированных творческих уроках литературы. Это тоже давняя школьная традиция. Ежегодно меняется стихотворение Пушкина, которое станет «опорным», но сохраняется традиция: пробовать написать «вслед за Пушкиным». Обычно это стихотворение — продолжение какой-то пушкинской строки (часто она становится первой строкой ученического стихотворения). Или это стихотворения-вдохновения, берущие начало от пушкинского источника. Например, анализируется незавершённый пушкинский шедевр «Два чувства дивно близки нам...», которое и в этом виде являет образец совершенства формы и содержания.

**Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.**

**На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его...**

**Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как... пустыня
И как алтарь без божества.**
1830

Беседа обычно идёт живо, непринуждённо, потому что авторская поэтическая мысль

о любви к родине, к своим отцам и дедкам понятна и близка всем и каждому. Ученики прослеживают динамику пушкинского рассуждения: без родины и предков не состоится человек. Осмыслена образная система. Названы изобразительные поэтические средства. Анализируя словесную ткань произведения, дети чувствуют, какие высокие слова подыскивал поэт для воплощения темы, какой святостью пронизано чувство лирического героя, какой лучезарный перл — слово *дивно*, сказочно приближающее к каждому из нас эти «животворящие святыни». Не проходит мимо внимания чутких школьников и слово *самостоянье* (оно потом навсегда входит в активный лексический запас наших воспитанников). Проведены параллели к созвучным строкам, например, от слова *пустыня* — к духовной пустыне пушкинского Пророка, к стихотворению «Отцы пустынники и жёны непорочны...». Дети улавливают и возвышенно-религиозный, и задушевно-светский тон поэтического текста. Останавливается внимание школьников и на строке «Любовь к родному пепелищу...», конечно, без труда вспоминают они «крылатое выражение» из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: известный афоризм Чацкого «И дым Отечества нам сладок и приятен». (Здесь стоит пополнить их знания, указав на то, что этот афоризм оказывается не вполне точной цитатой из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен». А у державинской строки есть фраза-прообраз в «Одиссее» Гомера и в латинской пословице «Et fumus patriae dulci» («И дым Отечества сладок»). Но в контексте пушкинского стиха (и грибоедовского тоже) строка имеет исторический фон, она напоминает о страшном и величественном пожаре Москвы 1812 года, она оживляет патриотическую страницу истории. Об этом говорят сами ученики. Кто-то из детей прочитывает строку иначе, вкладывая современный, но тоже философский смысл: потерянный родной дом, так же как и родное прошлое, утраченное,

превратившееся в пепелище, — ещё дороже и милее. «Потерявши — плачем...». Нюансов и поворотов в подобных беседах бывает неисчислимое множество. И именно в момент, когда детские мысли фонтанируют, на этой поэтической волне, им предлагается творческое задание, знакомое им, потому что они не первый раз пробуют писать «от первой строки»; а кому «тесно» в пределах заданной формы, заданного стихотворного размера, могут выразить свои думы по-иному. Но тема для всех одна. Привожу для примера два стихотворения старшеклассников, они дополнили нашу «школьную Пушкиниану»:

Мы верим, любим — мы живём!

Два чувства дивно близки нам:
Любовь к родным, любимым верность.
Те чувства существуют вечность,
Они несут тепло сердцам.

Что жизнь без них? Пустая трата...
Весна без солнца, в сердце лёд.
А верностью душа богата,
Она без верности умрёт.

Наш мир жесток и равнодушен.
Как просто потеряться в нём!
Но чувства есть, и есть надежда —
Мы верим, любим — мы живём!

Джабарова Яна, 10-А класс

Святые

Навек всем сердцем не забудем:
Святое в нашей жизни — есть!
Наш край мы вечно помнить будем,
Погост всех наших предков — здесь.

С рожденья близко нам Святое
(Хвала Создателю всего!)
То слово, гордое, родное,
Что в этот мир нас привело.

Графчиков Александр, 10-А

Как и все учителя, мы очень трепетно и бережно относимся к таким поэтическим прозам. По ним мы наблюдаем результаты наших усилий: «окрылённость» мыслей детей, нацеленность на **вертикальное** измерение бытия. Наши ежегодные поэтические альманахи — это своеобразный творческий отчёт школы об уровне культуры наших учеников. И мы, словесники, и сами домопощенные поэты могут проследить по ним, как взрослеют они и нравственно, и духовно, и в области художественного мастерства. Сборников выпущено уже много. Могу с уверенностью сказать, что большинство наших выпускников поняли, что такое настоящее поэтическое слово, и смогут отличить настоящее искусство от дешёвой подделки. Конечно, немногие из них станут во взрослой жизни поэтами, но эта тяга к прекрасному останется с ними навсегда, навсегда останется с ними классическое поэтическое Слово. А именно Слово стоит у истоков культуры, завершает её, выражает её.

В заключение вновь обращусь к высказыванию М. Гершензона: «Вольно или невольно, Пушкин деятельно служил так называемому общественному прогрессу <...> общий итог его творчества должен быть признан безусловно положительным в смысле соответствия основным задачам культуры, так как его поэзия своей формой и содержанием сеет в душах семена правды, любви, милосердия, чуткости к красоте и добру». Поэтому мы на уроках словесности пытаемся найти, сохранить и взрастить эти семена.